

УДК 902.32(571.150)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)

Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология*

С.С. Матренин¹, А.А. Тишкин²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Belt Buckles Used by the Altai Nomads in the Xiongnu Period: Classification and Typology

S.S. Matrenin¹, A.A. Tishkin²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia);

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Археологические материалы, полученные в ходе раскопок памятников Алтая хуннского времени (II в. до н. э. — I в. н. э.), позволяют осуществлять системный анализ каждой категории обнаруженных предметов. Публикуются результаты изучения поясных пряжек. Рассмотренная коллекция насчитывает 19 экз. При классификации пряжек выделены десять типов. Типологический анализ данных изделий позволил определить их датировку и генезис. Развитие поясных пряжек у кочевников Алтая происходило под воздействием центральноазиатской моды на формирование ременных гарнитур. Железные пряжки с подвижным язычком полностью копируют хуннские образцы. Среди них наиболее поздними (I в. до н. э. — I в. н. э.) являются изделия, отнесенные к типу 4. Железные пряжки хуннского времени стали основой для создания местных модификаций в последующий период (II–V вв. н. э.). Бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком представлены единичными предметами и не определяют линии развития в материальной культуре булан-кобинского населения Алтая сяньбийско-жужанского времени. Среди них выделяются изделия с ажурным изображением ящерицы (тип 9), оригинальная китайская пряжка с подвижным язычком на вертлюге (тип 7), пряжка из комбинированных материалов с неподвижным шпеньком с изображением рогатого дракона (тип 10).

Archaeological materials that were obtained during the excavation of the monuments of the Altai territory in the Xiongnu Period (II century BC — I century AD), make it possible to undertake a systematic analysis for each category of artifacts. This paper is directed primarily at the comprehensive presentation of the results of the belt buckles research. The collection of artifacts under study currently includes 19 specimens. The classification of these objects distinguishes 10 types of belt buckles. Typological analysis of these objects allows defining details of their dating and genesis. Comparative study of material tends to show that development of belt buckles from the Altai nomads was influenced by the practice and style of the belt headsets design in Central Asia. Iron buckles with a movable pin were complete copies of the Xiongnu samples. It is also important that the samples of the fourth type were made later than others (I century BC — I century AD). The iron buckle of the Xiongnu period eventually provided the basis for making local modifications in the subsequent period (II–V centuries AD). Bronze buckles with a fixed peg in the whole complex of samples appeared as singleton. Its tendency does not demonstrate any facts of continuity and development in the material practice in the material culture of the Bulan-Koby population of Altai in the Xianbei-Zhuzhan period. Among these objects were allocated the artifacts with an openwork figure of a lizard (type 9), the original Chinese buckle with a movable latch on the swivel (type 7), and the buckle which is made from composite materials with a fixed peg with the image of a horned dragon (type 10).

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, поясные пряжки, снаряжение, хронология, классификация, типология, хунну.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, belt buckles, gear, chronology, classification, typology, chronology, Xiongnu.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-22

Полученные на сегодняшний день археологические источники свидетельствуют о том, что в хуннское время (II в. до н. э. — I в. н. э.) у народов Северной и Центральной Азии формировались оригинальные комплексы поясных гарнитур, воплотившие в себе результаты поиска наиболее оптимальных вариантов конструктивного и декоративного решения, а также демонстрирующие разнообразные заимствования и тенденции моды «передовых» кочевых этносов. На протяжении указанного периода особенно активно шло становление новых типов пряжек, появление их серийных и экспериментальных модификаций. Обозначенные процессы получили определенное отражение в археологических материалах с территории Алтая, представленных серией находок из могильников булан-кобинской культуры.

Предлагаемая статья посвящена классификации и типологии поясных пряжек, обнаруженных в ходе раскопок погребальных комплексов хуннского времени Усть-Эдиган (Северный Алтай), Сары-Бел, Яломан-II (Центральный Алтай). Анализируемая коллекция насчитывала 19 экз. хорошей и удовлетворительной сохранности [1–5]. Среди них 16 изделий служили для застегивания основного пояса, остальные использовались для фиксации портупей. Одной из важнейших задач изучения данного корпуса предметов материальной культуры являлось установление датировки разных типов пряжек, выяснение их генезиса, определение вклада «пришлого» и «местного» влияния в появлении отдельных модификаций.

Материалы и классификация. Для классификации пряжек применялась шестичленная схема таксономического группирования, апробированная нами на материалах сяньбийско-жужанского времени [6]. Наполнение в ней таксонов выглядело следующим образом: *группа* демонстрирует материал, из которого изготовлены рамка и щиток пряжки; *разряд* указывает на вид фиксатора свободного конца ремня; *раздел* отражает размещение фиксатора ремня на рамке; *отдел* определяет отсутствие или наличие щитка, особенности соединения его с рамкой; *подотдел* уточняет способ крепления щитка к ремню; *тип* характеризует абрис рамки; *вариант* свидетельствует о форме и длине лицевой части щитка. Такой подход и критерии описания авторами статьи уже подробно рассматривались [6; 7]. В результате осуществленной систематизации были выделены три группы, два разряда, три раздела, два отдела, 10 типов поясных пряжек, дополненных четырьмя вариантами.

Группа I. Железные.
Разряд I. Подвижный язычок.
Раздел I. Язычок располагается на основании рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 1. Округлые. 3 экз.: Сары-Бел, курган №250; Яломан-II, курган №48; Усть-Эдиган, курган №72 (рис. -1-2).

Тип 2. Овальные, вытянутые длинной осью по вертикали. Абрис рамки симметричный. 3 экз.: Яломан-II, курган №48, Усть-Эдиган, курган №72 (2 экз.) (рис. -3). Все пряжки — портупейные.

Тип 3. Прямоугольные. 3 экз.: Яломан-II, курганы №43, 47, 61 (рис. -4-5).

Тип 4. Арочные с вогнутыми боковыми сторонами. 2 экз.: Яломан-II, курган №62; Усть-Эдиган, курган №37 (рис. -6-7).

Группа II. Пряжки из цветного металла.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок располагается на основании рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 5. Округлые. 2 экз.: Усть-Эдиган, курган №1, погребение-2. Еще одна пряжка из данного могильника опубликована без указания номера объекта (рис. -8-9).

Тип 6. Прямоугольные. 1 экз.: Усть-Эдиган. Пряжка опубликована без указания номера погребения (рис. -10).

Раздел II. Язычок располагается на вставной вертикальной выступающей над основанием рамки.

Отдел II. С цельным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел *a*. Щиток крепится к ремню с помощью прорези, отделенной от прорези для свободного конца ремня.

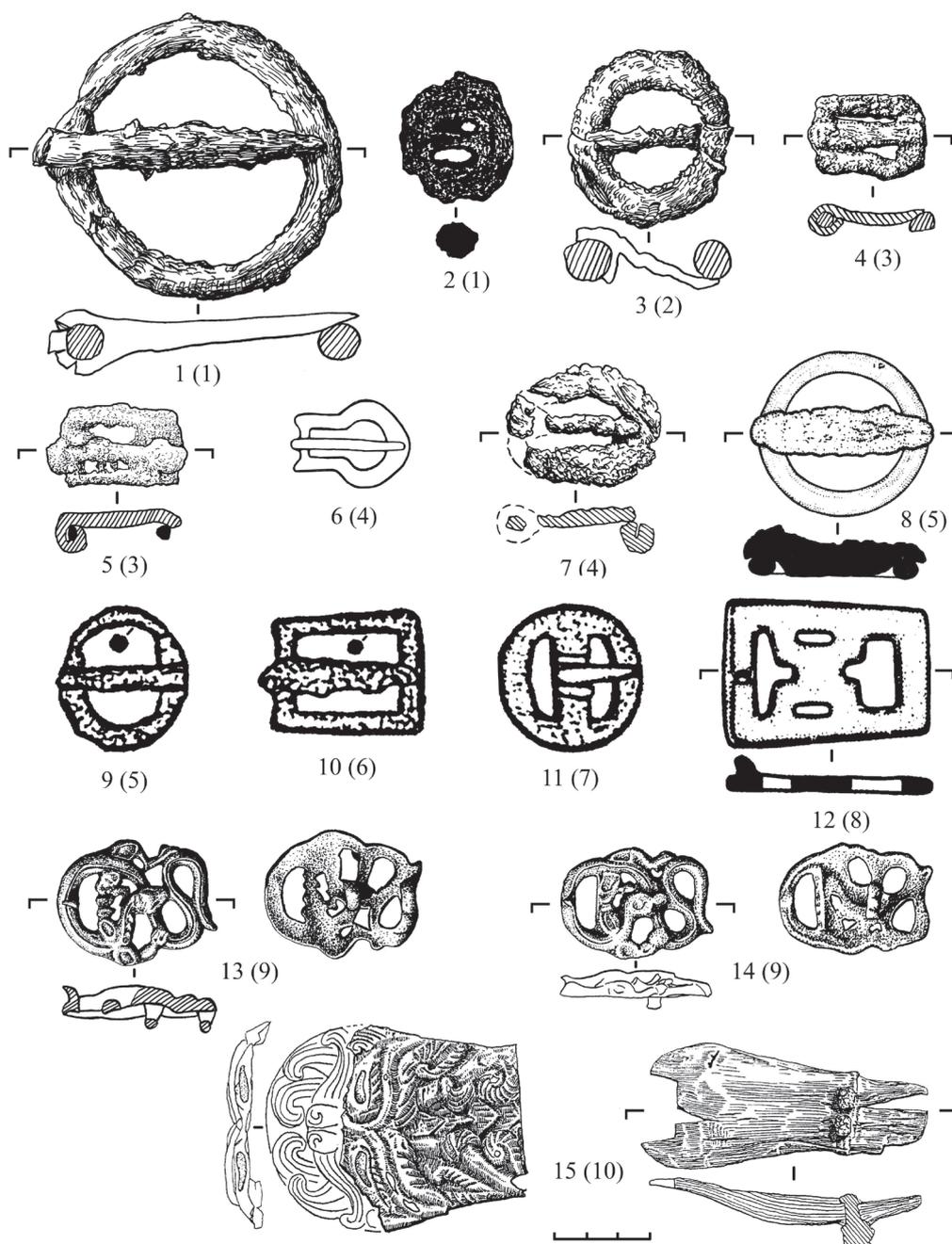
Тип 7. Сегментовидные. Рамка представляет собой часть круга, ограниченную дугой (дужка) и хордой (основание). Вариант *a* — с сегментовидным коротким щитком. 1 экз.: Усть-Эдиган, курган №22 (рис. -11).

Разряд II. Неподвижный шпенец.

Раздел III. Неподвижный шпенец располагается на лицевой стороне дужки.

Отдел II. С цельным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел *a*. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, отделенной от прорези для свободного конца ремня.

Поясные пряжки из памятников Алтая хуннского времени:

1, 3 — Яломан-II, курган №43 [3]; 2 — Сары-Бел, курган №250 [4]; 4-5 — Яломан-II, курган №61 [3], курган №43 [5]; 6 — Усть-Эдиган, курган №37 [6]; 7 — Яломан-II, курган №62 [3]; 8 — Усть-Эдиган, курган №1 (погребение-1) [7]; 9-10 — Усть-Эдиган [6]; 11-12 — Усть-Эдиган, курган №22 [6], курган №23 [7]; 13-15 — Яломан-II, курганы №51, 57 и 43 [5] (в скобках указаны номера типов). 1-7 — железо; 8, 10 — бронза, железо; 9, 11-14 — бронза; 15 — золото, камень, дерево, железо

Тип 8. Трапециевидные. В основе рамки лежит четырехугольная геометрическая фигура с непараллельными боковыми сторонами. Рамка имеет две декоративные прорези. Вариант *a* — с трапециевидным коротким щитком. 1 экз.: Усть-Эдиган, курган №23 (рис. -12).

Подотдел *б*. Щиток крепится к ремню с помощью одной или двух петель на тыльной стороне корпуса.

Тип 9. Сегментовидные. Тело рамки и щитка образовано ажурным изображением ящерицы, кусающей свой хвост. Вариант *a* — с овальным щитком. 2 экз.: Яломан-II, курганы №51 и 57 (рис. -13-14).

Группа III. Пряжки из дерева и металла.

Разряд II. Неподвижный шпенек.

Раздел III. Неподвижный шпенек располагается на лицевой стороне дужки.

Отдел II. С цельным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел *в*. Щиток крепится к ремню с помощью железных шпеньков.

Тип 10. Арочные. Тело рамки и щитка представлено рельефным изображением головы дракона. Вариант *а* — с трапециевидным щитком средней длины. 1 экз.: Яломан-II, курган №43 (рис. -15).

Обсуждение результатов (типологический анализ). Более половины анализируемых поясных пряжек из памятников Алтая хуннского времени сделаны из железа (группа I). Все они снабжены подвижным язычком (разряд I), фиксирующимся на основании рамки (раздел I), и не имеют щитка (отдел I). Железные пряжки данной конструкции традиционно рассматриваются в качестве хроноиндикатора начала «гунно-сарматского» времени. Наиболее ранние экземпляры их обнаружены в памятниках хунну/сюнну Центральной Азии II в. до н.э. [8, табл. XI–XII; 9, табл. 1, 3, 8, 10–12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; 10, табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; 11, с. 63–73]. Это совершенно новая модификация ремненных застежек, происхождение которой не связано с металлическими пряжками кочевников Азии скифо-сакского периода. Данный вывод подтверждается разницей конструкции и формы железных пряжек с подвижным язычком и бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком из хуннских погребений [1]. Сами хунну могли заимствовать подвижный фиксатор ремня от китайцев, у которых в период династий Цинь и Западной Хань известны подпружные металлические пряжки с подвижным язычком на вертлюге, выступающей над основанием рамки (аналогичны пряжкам, выделенным в тип 7). При установлении нижней даты железных пряжек с подвижным язычком важно обратить внимание на отсутствие их в составе инвентаря погребений кочевников III в. до н.э. Северного Китая с признаками влияния хунну, а также среди предметов, отражающих хуннские новации в памятниках саглынской культуры Тувы III — начала II в. до н.э. [9, с. 77–80; 12, рис. 2–6]. Датировка ранних находок таких пряжек в Минусинской котловине из коллективного погребения в позднетагарском кургане Лисий («нижняя погребальная камера») и других комплексов с «бронзовыми миниатюрами» сейчас пересмотрена в сторону омоложения [13, с. 134–135, рис. 65]. Имеющиеся археологические материалы дают основания полагать, что у кочевников Алтая железные пряжки с подвижным язычком стали употребляться, скорее всего, во 2-й трети II в. до н.э. Примерно в то же время они впервые появились в Туве (могильники Урбюн-III, Чинге-II) [14,

с. 104–108]. На Среднем Енисее такие пряжки фиксируются в позднетагарских и тесинских памятниках I в. до н.э., получив широкое применение с середины столетия [13, рис. 65, 77, 80, 84; 15, рис. 13.-5, 11–21; 16, табл. 93.-45; 94.-57–59; 17, табл. 23.-1, табл. 36.-108; 18, рис. 8.-1–4].

В других регионах железные пряжки с подвижным язычком отмечены позже. В Среднюю Азию они были занесены в конце II в. до н.э. «восточными» кочевниками во время разгрома Греко-Бактрии и приобрели популярность в I в. до н.э. во многих областях [19, табл. XLIV.-1–3, XLII.-11–12, XLI.-1–7, 9–10, 16–17, с. 111–112; 20, с. 140–141, табл. XV.-1–2, XIV.-10–12, XXXI.-3, 8–9, XXXII.-2; 21, рис. 2.-69; 22, с. 128–130; 23, с. 166, рис. 4.-9, 12; 24, с. 176, рис. 2.-4–5; 25, с. 214, 226]. В I в. до н.э., вероятно, во 2-й половине столетия, металлические пряжки с подвижным язычком попадали в Верхнее Приобье [26, табл. XXIV.-13–14, XLVI.-88; 27, с. 22; 28, с. 50, рис. 6.-18; 29, рис. 2.-9–10]. Начальная дата железных подвижно-язычковых пряжек в саргатской культуре Западной Сибири сейчас может быть омоложена до конца I в. до н.э. [30, с. 99, рис. 24.-1; 29.-2; 32.-17; 45.-7; 54.-29; 57.-14; 31, с. 67–68]. У сарматов данные изделия стали применяться с рубежа эр, демонстрируя активизацию азиатского направления культурных связей [32, рис. 7.-41; 33, с. 89; 34, с. 107]. Тогда же (или немного позже) они использовались на Кавказе [35, табл. 107.-13; 111.-25–31]. У населения Волго-Камья пряжки с подвижным язычком распространились с I в. н.э. [36, рис. 4; 37, с. 64, 42]. Свою историю появления металлические пряжки с подвижным язычком имеют в Центральной Европе, где они известны ранее всего в областях, подвергнувшихся римскому влиянию, и отражают ознакомление «варваров» с экипировкой римских легионов конца I в. до н.э. [38, с. 162].

Пряжки с округлой рамкой типа I использовались на протяжении I–II тыс. н.э. Экземпляры из памятников Алтая имеют довольно крупный диаметр рамки и находят наиболее многочисленные аналогии в снаряжении хунну II–I вв. до н.э. [9, табл. 1.-14, 16, 3.-3, 8.-2, 10.-10, 11.-21, 12.-23, 23.-8–9, 26.-9, 35.-3, 40.-10, 50.-5–6, 49.-9–9а, 49.-17, 52.-1–2; 10, табл. 7.-30, 23.-10–11, 40.-3, 56.-3, 67.-12, 82.-9, 93.-4, 6, 96.-4, 108.-10, 104.-2, 120.-17; 39, с. 33, табл. 186.-1, 3]. Впрочем, они встречаются и в более поздних комплексах I в. н.э. [8, табл. XI.-11, 21, XII.-4–5]. Еще один регион широкого использования пряжек типа I в конце II в. до н.э. — I в. н.э. связан с Северной Бактрией [19, XLII.-11–12; XLIII.-1–5, 7, 9–11, 16, 18; XLIV.-1–3; 22, рис., с. 143].

Основываясь на приведенных сравнениях, период бытования пряжек типа I у раннебулан-кобинского населения можно определить в рамках от 2-й трети II в. до н.э. до I в. н.э. включительно. Производными от пряжек типа I являются экземпляры с овальной,

симметрично изогнутой рамкой (тип 2). Они впервые появились в Центральной Азии у хунну в I в. до н. э. и широко распространились в сяньбийской культурной среде во II–III вв. н. э. Пряжки типа 2 обнаруживают многочисленные аналогии на территории Алтая и Тувы в погребениях II–V вв. н. э. Начальный этап использования таких пряжек булан-кобинским населением, по-видимому, приходится на I в. до н. э.

Пряжки с прямоугольной рамкой укороченных пропорций (тип 3) с учетом хуннских параллелей и археологических материалов Верхнего Енисея могли появиться на Алтае в конце II — начале I в. до н. э. (наиболее вероятно — в середине I в. до н. э.) [8, табл. XII.-1; 9, табл. 11.-29; 26.-3, 8; 27.-16; 46.-8; 10, табл. 71.-4; 40, т. 177, зураг 7]. Более поздние аналогии пряжкам типа 3 связаны с материалами II–IV вв. н. э. Верхнего Приобья, Среднего Енисея, Восточного Забайкалья [13, рис. 65, 70.-3, 84; 41, с. 87, рис. 50.-13; 42, с. 67, рис. 4, табл. XXXVIII.-3]. Похожие экземпляры иногда встречаются в булан-кобинских памятниках сяньбийского времени: учтены 4 экз. в неопубликованных археологических коллекциях из могильников Айрыдаш-I и Улита.

Пряжки с рамкой арочной формы (тип 4) имеют относительно хорошо датированные аналогии в некрополях хунну Забайкалья I в. до н. э. — I в. н. э., в тесинских погребениях Среднего Енисея 2-й половины I в. до н. э. — начала II в. н. э., в могильнике Аймырлыг-XXXI I–III вв. н. э. в Центральной Туве, в погребениях кокзельской культуры III–V вв. н. э., в сяньбийских погребениях Приаргунья, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии конца I–III вв. н. э., в памятниках Средней Азии I в. до н. э. — начала новой эры, в материалах саргатской культуры Приишимья I — начала III в. н. э. [8, табл. XI.-15–16, 20; 15, рис. 13.-19–20; 18, табл. XXIII.-2; XXV.-9–10, 17; XXVII.-5–6; 24, с. 175–176; 30, рис. 24.-1; 40, т. 180, зураг 2, 5; т. 205, зураг 5; т. 251, зураг 5; 43, рис. 5.-7; 44, рис. 2; 45, рис. 4.-4; 46, рис. 10.-2; 47, fig. 38, 57.-54; 48, зураг. 18.-7; 49, fig. 7.-6; 50, рис. 93.-3; 102.-1–2; 51, табл. 56.-35, рис. 43; 52, p. 41; 53, fig. 297].

Опираясь на имеющиеся археологические материалы, можно сделать вывод, что начальный этап распространения пряжек типа 4 на территории Алтая приходится на 2-ю половину I в. до н. э. — начало I в. н. э. Не ранее указанного хронологического интервала стоит относить появление этого типа изде-

лий у населения Верхнего Приобья [29]. Две пряжки типа 4 найдены в погребениях развитого этапа булан-кобинской культуры могильника Айрыдаш-I, предполагаемая датировка которых по сопутствующему инвентарю определяется в рамках II — 1-й половины III в. н. э.

В исследуемой коллекции большой вариативностью конструктивного решения отличаются бронзовые пряжки (группа II). На сегодняшний день мы располагаем информацией о составе цветного металла пряжек из могильника Яломан-II [54]. Имеющиеся результаты рентгено-флюоресцентного анализа бронзовых сплавов указывают на производство их из центральноазиатского сырья с использованием передового опыта металлургии хуннского времени. Принципиально важные различия морфологии бронзовых пряжек касались способа фиксации свободного конца ремня в прорези рамки, которые демонстрировали две относительно самостоятельные линии эволюции, представленные модификациями с подвижным язычком и неподвижным шпеньком.

Пряжки из цветного металла с подвижным язычком (разряд I) на основании рамки (раздел I) имели бесщитковое соединение с ремнем (отдел I). Они представлены экземплярами с округлой (тип 5) и прямоугольной (тип 6) рамками. Данные изделия, надо полагать, являются производными от железных пряжек типов 1, 3. Единичные аналогии им известны в памятниках хунну Забайкалья II–I вв. до н. э. [9, табл. 30.-24; 10, табл. 60.-9], а также в близких по времени комплексах Северной Бактрии [19, табл. XLIV.-10–11]. Использование таких типов пряжек раннебулан-кобинским населением Алтая, по-видимому, не выходило за период после рубежа эр.

Бронзовая пряжка с подвижным язычком на вставной вертлюге, выступающей над основанием рамки (раздел II), снабжена цельным, невыделенным от рамки щитком, фиксирующимся к ремню с помощью отдельной прорези (отдел IIIa). Металлические пряжки с таким способом крепления язычка известны в китайском снаряжении с периода ранней Западной Хань [55, fig. 7.-6]. Они представляют собой модификацию металлических пряжек, являющуюся первым опытом совмещения изобретенного подвижного фиксатора ремня со старой традицией производства пластинчатых пряжек с неподвижным шпеньком на дужке рамки¹. Появление таких пряжек в составе предметного комплекса хунну [8, рис. 102, табл. XII.-26;

¹ Упрощенную схему крепления подвижного язычка демонстрируют пряжка в «братской могиле» ханьского времени, раскопанной в 2009 г. в окрестностях Баян Булага в Номгон сомоне Южно-Гобийского аймака Монголии. У обнаруженного экземпляра железный язычок фиксировался к пластинчатой бронзовой рамке посредством загиба-петли. По оформлению корпуса данная пряжка аналогична находке из ванского захоронения конца II в. до н. э. в Мэн Чэнэ [56, с. 88]. Конечно, есть все основания считать, что изделие из памятника Баян Булаг отражает вынужденный подход к креплению язычка (учитывая экстремальные условия жизни ее владельца), возможно даже переиспользование пряжки с неподвижным шпеньком. В данном случае важно то, что техническая мысль шла по пути облегчения крепления фиксатора ремня в условиях все более возрастающей роли железа как главного материала для производства ременных гарнитур.

10, табл. XII.-18; 53.-2; 57, 1990, рис. 11.-11, 14; 58, рис. 3.-1-2; 59, табл. 14.-29; 60, рис. 5; 61, fig. 8.-1] произошло, вероятно, в период активного контакта с ханьцами в конце II — 1-й половине I в. до н. э. и может быть результатом «даров» из «Поднебесной» империи². На основе данных пряжек во 2-й половине I в. до н. э. появились экземпляры с подвижным язычком на цельной вертлюге в приемном отверстии рамки, характерные для периода поздней Западной Хань — Восточной Хань: Ноин-Ула, Дуурлинг-нарс, Лицязцы, Тулхарский могильник [19, табл. XLIV.-7; 52, p. 40; 53, fig. 296; 62, fig. 6.-10]³.

Экземпляр с подвижным язычком раздела II, отдела IIa, выделенный в нашей классификации в тип 7, по форме рамки и щитка обнаруживает наибольшее сходство с пряжками из хорошо датированных хуннских некрополей: Дырестуйского — II — середина I в. до н. э. [8, рис. 102, табл. XII.-26; 10, табл. XII.-18; 53.-2], Даодуньцы — II — начало I в. до н. э. [57, рис. 11.-14], Хух-удзуурийн дугуй II — конец II — начало I в. до н. э. [60, рис. 5]. Пряжка типа 8 на территории Алтая, скорее всего, является импортом из метрополии державы Хунну. Хочется надеяться, что это подтвердят результаты анализа состава бронзового сплава этого уникального изделия. Наиболее вероятное время попадания данной пряжки к носителям булан-кобинской культуры приходится на II в. — 1-ю половину I в. до н. э. Период использования ее, судя по всему, не выходил за время после рубежа эр.

Генезис пряжек из цветного металла с неподвижным игловидным шпеньком на лицевой стороне дужки (разряд II, раздел II) с цельным невыделенным от рамки щитком (отдел II) у многих народов Евразии конца I тыс. до н. э. основывался на традициях бронзолитейного производства скифо-сакского времени. У хунну Монголии и Забайкалья пряжки с такими признаками оформления корпуса (обычно со сложнофигурным изображением в зверином стиле) были наиболее популярны во II–I вв. до н. э. Около рубежа эр их существенно потеснили железные пряжки с подвижным язычком и неподвижным шпеньком, однако из обихода они полностью не исчезли. Преимущественно этим же временем датируются находки пряжек с неподвижным шпеньком на юге Средней Азии, где они, возможно, «доживали» до I–II вв. н. э. [22, рис. 5.-5–8, с. 142–144]. Бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком и цельным невыделенным от рамки щитком зафиксированы у сянь-

би II — начала III в. н. э. в составе парадных поясов, а также у кочевников Тувы, оставивших могильник Аймырлыг-XXXI [46, рис. 7.-1–2; 44; 63.-fig. 42].

Регионом массового использования бронзовых неподвижношпеньковых пряжек в конце II в. до н. э. — I в. н. э. был Средний Енисей, где экземпляры с невыделенным щитком генетически связаны с материальной культурой хунну. В близких по времени памятниках Верхнего Приобья бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком связаны с двумя культурными традициями: хуннуской — ажурная пряжка с округлой рамкой и невыделенным щитком из Ордынского-1; «саргатско-сарматской» — безщитковые пряжки из Быстровки-3 и Ордынского могильника [26, табл. XXIV.-6, 15; 28, рис. 6.-3–5].

У кочевников степной полосы Восточной Европы традиция производства бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком и цельным щитком исчезла в среднесарматское время (I — начало II в. н. э.). Единичные находки таких пряжек отражают связи с материальной культурой «азиатских» кочевников [63, fig. 47.-2, 50.-21–22, 29–30]. Регионом длительного использования пряжек с неподвижным шпеньком вплоть до начала III в. н. э. являлось Прикамье [36, 37].

Приведенные выкладки демонстрируют факт наибольшей популярности бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком и цельным щитком на территории Центральной и Северной Азии (за исключением Среднего Енисея) во II–I вв. до н. э., а также их «доживание» до начала III в. н. э. При этом важно отметить, что у булан-кобинского населения Алтая такие пряжки генетически не связаны с местным наследием пазырыкской культуры.

Среди анализируемых бронзовых экземпляров разряда II, раздела II наиболее архаично выглядит пряжка из могильника Усть-Эдиган (курган № 23), фиксировавшаяся к поясу с помощью прорези, отделенной от приемного отверстия для свободного конца ремня (отдел IIa). Пряжка имела рамку трапециевидной формы и трапециевидный короткий щиток (тип 8a). Наиболее близкие аналогии данному типу на уровне конструкции рамки и щитка (но с иным оформлением ременных прорезей) представлены в хуннском некрополе Дырестуй (II — середина I в. до н. э.) в Бурятии [10, табл. 113.-3] и в погребении елгинской культуры на могильнике Цаган-Хушун-II (II–I вв. до н. э.) в Прибайкалье [64, рис. 7.-2]. Похожая пряжка с декоративным корпусом зафиксирована в коллекции ордосских бронз [65, p. 446].

² В исследованном под руководством Д. Эрдэнэбаатара элитном кургане хунну Гол-Мод-2, относящемся к I в. н. э., обнаружены металлические пряжки с подвижным язычком на вставной вертлюге, выступающей над корпусом (выражаем признательность нашему монгольскому коллеге за знакомство с такими изделиями).

³ В 2010 г. при раскопках кургана № 2 на могильнике Хух удзуурийн дугуй (Булган сомон Ховдского аймака Монголии) была найдена железная круглорамчатая пряжка с подвижным язычком на вертлюге (авторы благодарят А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара за возможность ссылки на данный материал). Наличие пластинчатого щитка-полуобоймы указывает в пользу датировки этого экземпляра концом I в. до н. э. — I в. н. э.

Пряжка типа 9а обнаруживает сходство с экземплярами, которые имеют боковые вырезы, отделяющие рамку от щитка, в хуннском некрополе Дырестуй (II — середина I в. до н. э.), в составе Ююского клада (II—I вв. до н. э.), в могильнике БМ-VI в Северной Бактрии (конец II—I вв. до н. э.) [10, табл. 80.-8-9; 22, рис. 5.-20; 66, рис. 47]. С учетом приведенных сравнений с большой долей уверенности можно утверждать, что пряжки типа 8а у ранних «булан-кобинцев» Алтая имеют своим исходным прототипом хуннские образцы и датируются II—I вв. до н. э.

Бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком, имеющие цельный невыделенный от рамки щиток, фиксирующиеся к ремню с помощью одной или двух петель на тыльной стороне корпуса (отдел IIб), выделены в тип 9. Два экземпляра с описываемыми параметрами обнаружены в могильнике Яломан-II. Они характеризуются сочетанием сегментовидной рамки и овального щитка в виде ажурного изображения ящерицы, кусающей собственный хвост. Данные пряжки являются производными от ажурных поясных блях с фасиальным изображением дракона [67, с. 70], представленных большим количеством экземпляров в составе Ююского и Косогольского кладов, а также случайными находками с территории Среднего Енисея, датируемыми в широких хронологических рамках II—I вв. до н. э. [68, с. 12-13, рис. 6.-1-2, табл. 19-27, 28.-104; 66, рис. 33]. Появление таких блях в Южной Сибири исследователи справедливо связывают с влиянием традиций цветной металлургии хунну. При этом стоит заметить, что в памятниках северных хунну точные аналогии данным образцам звериного стиля пока не обнаружены. С изображением ящериц на яломанских пряжках сходство обнаруживает образ «извивающегося дракона», зафиксированный на китайских каменных бляхах из аристократического погребения южных хунну в могильнике Сигоупань (Внутренняя Монголия), относящегося к периоду Восточной Хань [62, р. 470, fig. 7.-4-5].

В отношении пряжек типа 9 установлено, что они были сделаны на территории Южной Сибири [54]. Стилистика зооморфных изображений на данных предметах в целом сопоставима с хуннскими бронзами II—I вв. до н. э. при ярко выраженном местном осмыслении фантастического образа дракона посредством его редукции к ящерице. При хронологической атрибуции булан-кобинских находок важно обратить внимание на оригинальный способ фиксации пряжек к кожаному ремню с помощью петель на тыльной стороне корпуса. У хуннских пряжек и блях петельчатое крепление появляется, видимо, уже во II в. до н. э. (судя по датированным комплексам могильника Даодуньзцы), но получает широкое распространение со 2-й половины I в. до н. э. [57, 62]. В дальнейшем такой способ крепления пряжек и блях популярен в позднехуннской (I в. н. э.) и раннесяньбийской (ко-

нец I — начало III в. н. э.) культурах. Сочетание декоративных и морфологических характеристик дает основания предполагать датировку известных нам пряжек типа 9 в памятниках булан-кобинской культуры в рамках I в. до н. э., возможно, не позднее 2-й трети столетия.

Пряжки, выполненные на основе нескольких материалов (группа III), включают экземпляр из кургана №43 могильника Яломан-II. Данное изделие имеет деревянный корпус с рельефным фасиальным изображением головы рогатого дракона, покрытого золотой фольгой, с инкрустацией глаз вставками из черного агата (?). Несмотря на плохую сохранность, есть основания полагать, что неподвижный шпенец (разряд II) первоначально располагался на лицевой стороне дужки (раздел III) пряжки. Цельный, невыделенный от рамки щиток (отдел II) фиксировался к ремню с помощью железных шпеньков (подотдел в). Абрис рамки — арочный, форма щитка — трапециевидная (тип 10а). Пряжка данного типа является уникальным образцом импортных поясных гарнитур, попавших к носителям булан-кобинской культуры Алтая в результате активных контактов с хунну. Не исключено, что она была выполнена китайскими мастерами и направлена в качестве даров для знатных представителей хунну. Особенности декора позволяют сравнить данный экземпляр с металлической пряжкой с изображением головы сатира из захоронения хуннской знати в некрополе Царам (2-я половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.) и бронзовым навершием рукояти китайской колесницы из элитного хуннского погребения в могильнике Гол-Мод (курган №20, начало I в. н. э.) [53, fig. 328; 69, рис. 18; 70, зураг 3.-6]. Указанные изделия фиксируют новый этап китайзации хунну во 2-й половине I в. до н. э. — I в. н. э. Стилистическое сходство яломанской пряжки с находками из Бурятии и Монголии может указывать на их принадлежность к одному хронологическому горизонту (в широких рамках это 2-я половина I в. до н. э. — I в. н. э.).

Итак, проанализированные поясные пряжки из погребений Алтая хуннского времени, несмотря на свою немногочисленность, отличаются типологическим разнообразием, которое демонстрирует сосуществование разных традиций их производства. Сравнительное изучение археологических коллекций показало, что развитие поясных пряжек у раннебулан-кобинского населения происходило под влиянием центральноазиатской моды на ременные гарнитуры. Железные пряжки с подвижным язычком сделаны на Алтае с полным копированием хуннских образцов. Среди них наиболее поздними модификациями (2-я половина I в. до н. э. — I в. н. э.) являются экземпляры с арочной рамкой (тип 5). В целом железные пряжки типов 1-4 станут основой для генезиса местных пряжек в сяньбийско-жужанское время (II-

V вв. н. э.). Их эволюция будет заключаться в появлении подвижных щитков-полуобойм и усилении разнообразия форм рамок [6].

Бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком представлены единичными модификациями, которые не дадут линии развития во II–V вв. н. э. Среди них выделяются местные пряжки с ажурным изображением ящерицы (тип 9), разработанные на основе подражания хуннским бронзам, в которых нашла отражение переработка традиционного китайского образа. Оригинальная бронзовая пряжка с подвижным язычком на вертлюге (тип 7) и пряжка из комбинированных материалов с неподвижным шпеньком

с изображением рогатого дракона (тип 10) являются импортными изделиями, связанными с хуннуско-китайским миром. Появление данных предметов у населения Алтая произошло в процессе активных контактов с метрополией кочевой империи хунну в I в. до н. э. Период использования этих образцов поясных гарнитур носителями булан-кобинской культуры, по-видимому, был непродолжительным.

Таким образом, проведенный типологический анализ классифицированных изделий позволил установить датировку разных модификаций пряжек у кочевников Алтая в рамках хуннуского времени, а также рассмотреть вопросы, связанные с их генезисом.

Библиографический список

1. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. — Иркутск, 2005. — Ч. I.
2. Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — №4. — Горно-Алтайск, 1999.
3. Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multi-disciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. — Bonn, 2011.
4. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск, 1990.
5. Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1995.
6. Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алт. гос. ун-та. — 2013. — №4/1 (80).
7. Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннуского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алт. гос. ун-та. — 2010. — №4/2 (68).
8. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.
9. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. — Т. 2: Иволгинский могильник. — Вып. 2: Археологические памятники сюнну. — СПб., 1996.
10. Миняев С.С. Дырестуйский могильник: Вып. 3: Археологические памятники сюнну. — СПб., 1998.
11. Пань Лин. Ивоэрцзя чэнгжи хэ муди цзисянгуань сюнну каогу вэньти яньцзю (Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сюнну). — Пекин, 2007.
12. Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ ; Чита, 2002.
13. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб., 1999.
14. Савинов Д.Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. — Вып. 119. — М., 1969.
15. Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. — Л., 1988.
16. Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992 (Археология СССР).
17. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979.
18. Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). — СПб., 2009.
19. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. — № 136. — М. ; Л., 1966.
20. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Л., 1975.
21. Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. — Л., 1984. — Вып. 25.
22. Горбунова Н.Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. — Вып. 35. — СПб., 2001.
23. Оболдуева Т.Г. Курганы на арыке Джун // СА. — 1988. — №4.
24. Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гуяр-IV в Северной Туркмении // РА. — 1996. — №2.
25. Подушкин А.Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н. э. — VI в. н. э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Павлодар, 2006. — Вып. 2.
26. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979.

27. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. — Новосибирск, 1994.
28. Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Бытровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. — Новосибирск, 1995.
29. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1999.
30. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск, 1994.
31. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гавевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. — Екатеринбург, 1997.
32. Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
33. Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
34. Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
35. Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989 (Археология СССР).
36. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в. н.э.). — М., 1988.
37. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. — Уфа, 1992.
38. Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. — 2004. — № 4.
39. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. — Т. 1: Иволгинское городище. — Вып. 1: Археологические памятники сюнну. — СПб., 1995.
40. Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). — Улаанбаатар, 2003.
41. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск, 1979.
42. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк, 2003.
43. Пшеницына М.П. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975.
44. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). — Л., 1983.
45. Седых В.Н. Тагарский курган у с. Калы в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск, 1985.
46. Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин. Краткое сообщение о раскопках части сяньбэйского могильника Лаохэшэнь в уезде Юйшу провинции Гирин // Вэнью. — 1985. — № 2.
47. Erdelyi I. Archaeological Expeditions in Mongolia. — Budapest, 2000.
48. Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. — Улаанбаатар; Сеул, 2003.
49. Предварительное изучение сяньбийских погребений Внутренней Монголии // Нэй Мэнгу дицой сяньбэй муцзандэ фасянь юй яньцзю (Открытие и исследование сяньбэйских могильников во Внутренней Монголии). — Пекин, 2004.
50. Яремчук О.А. Могильник Зоргол-1 — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. — Чита, 2005.
51. Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. — СПб., 2011.
52. Дуурлиг Нарсны хүннү булш. — Улаанбаатар, 2009.
53. «Treasres of the Xiongnu». Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia. — Ulaanbaatar, 2011.
54. Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004.
55. Xuzhou Museum Excavation of Han Tomb № 8 on Mt. Houbou in Xuzhou City, Jiansu // Kaogu. — 2006. — № 4.
56. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С.С., Гребенников И.Ю. Раскопки поселения Баян Булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. — Вып. 6. — Барнаул, 2011.
57. У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. — Новосибирск, 1990.
58. Худяков Ю.С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. — № 4. — Горно-Алтайск, 1999.
59. Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. Вып. 5: Археологические памятники сюнну. — СПб., 2003.
60. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идерхангай Т.-О. Элитный хуннуский курган Хух удзуурийн дугуй-II-I в Булган сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Вып. 2. — Иркутск, 2011.
61. Kovalev A., Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O. An Unlooted Elite Xiongnu Barrow at Khökh Üzuuriin Dugui-II, Bulgan Sum, Khovd Aimag, Mongolia: Relative Chronological Dating and Its Significance for the Study of Xiongnu Burial Rites. Preliminary Report // Xiongnu Archaeology. Multi-

disciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. — Bonn, 2011.

62. Pan Ling. A Summary of Xiongnu Sites Within the Northern Periphery of China // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. — Bonn, 2011.

63. Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. — Bonn, 2011.

64. Харинский А.В., Коростелев А.М. Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. — Улан-Удэ, 2011.

65. Wang Renxiang. On Ordos Bronze Buckles // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. — Pecin, 2009.

66. Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июнский клад (каталог коллекции). — Новосибирск, 2013.

67. Азбелев П.П. Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. — Вып. 7. — Горно-Алтайск, 2008.

68. Дэвлэт М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. — М., 1980 (САИ Д 4–7. Археология СССР).

69. Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. — 2007. — № 1.

70. Ерөөл-Эрдэнэ Ч. Год Модны 20-р булшнаас олдсон «бэлгэт-гөрөөс» — ийн дүрст хөөмөл мөнгөн зэмсэг // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 2007.

Список сокращений

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

РА — Российская археология.

СА — Советская археология.

САИ — Свод археологических источников.

СССР — Советский союз (Союз Советских Социалистических Республик).